

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДРУГИМИ КУЛЬТУРАМИ: ФИЛОСОФСКИЙ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

И.В. Левитская

ДЕКОНСТРУКЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО УНИВЕРСУМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Самарский государственный университет

Переходный характер социокультурной реальности в постсоветской России, ее фундаментальная модернизация – предмет изучения политологов, правоведов, экономистов, социологов, философов, неизменно стремящихся к междисциплинарным проектам научного поиска. Общим в этом исследовании оказывается острая критика тоталитаризма во всех его проявлениях. Фактически речь идет о разрушении не только социально-экономического и политического советского пространства, но и его символического универсума. Этот процесс несводим к деструкции, так как требует глубокого осмысления самих оснований тоталитарного мышления, его генезиса и легитимации. Не менее важно осмысление особенностей культуры переходного периода.

Фундаментальные перемены 80-90-х годов XX века в России и Восточной Европе, рост культурных различий во всем мире, постмодернистские процессы в современной социокультурной реальности вызвали огромный исследовательский интерес к проблеме саморазвития культуры в условиях нестабильности и неустойчивости. Анализ переходного характера культуры становился для гуманитариев не только важнейшей академической задачей, но и возможностью прогнозировать тенденции радикальных изменений во всех подсистемах культуры. Причем наибольшее внимание оказалось приковано к феномену “человека перехода” [1], к бытию человека в быстро меняющемся мире, что нередко рассматривалось как труднейшая экзистенциальная проблематика, касающаяся жизни каждого из современников “эпохи перемен” [2: 5].

Эта ситуация поиска, безусловно, непростая и в научном, и в личном плане. С одной стороны, обретение новых методологических подходов изучения динамических процессов происходило в условиях карди-

нальных изменений ценностных ориентиров. С другой стороны, было невозможно дистанцироваться от происходящих перемен, отстраниться от разнородных событий эпохи, крайне мозаичной и ритмически неупорядоченной, что осложняло (и осложняет) саму процедуру исследования, так как требует детальной деконструкции существующих исследовательских и личностных установок.

В то же время процессы в российском обществе и культуре 1990-х годов во многом совпадают с общеевропейскими и мировыми процессами постмодернистского характера. Речь идет о том, что “общество индивидов” (Н. Элиас), порожденное индивидуализмом, неизбежно воспроизводит и производит культурные различия [3], а это приводит к неустойчивости самой системы культуры, ее структурных, формообразующих и ценностных начал, к кризису идентичности. Тем самым, ситуация постмодерна – это ситуация перехода, постоянных интенсивных изменений всех сторон жизни человека, неизбежно находящегося в поиске своей идентичности и вопрошающего о новых защитных механизмах. Возникновение транзитологии – науки, изучающей системные общественные трансформации, связано, таким образом, не только с крушением политических режимов в социалистических странах, но и с неустойчивостью современных социальных сообществ, спонтанностью изменений в общекультурном пространстве планетарного масштаба.

Отсюда столь пристальное внимание к процессу трансформации российской культуры постсоветского периода, сконцентрировавшему в себе многие проблемы мирового характера.

На сегодняшний день можно говорить о том, что сформирована устойчивая отечественная традиция деконструкции тоталитаризма, обнаружены механизмы языка и мышления, производящие и воспроизводящие советский культурный код. Огромную роль в этом процессе сыграли исследователи трансформации российской литературы, показавшие на примере борьбы за власть в поле литературного производства особенности перехода от соцреализма к программному культурному плюрализму постмодернистского характера. Здесь прежде всего необходимо выделить работы В. Курицына [4], М. Берга [5] и М. Эпштейна [6]. “Филологический” ракурс рассматривания общекультурных процессов закономерен: мир дан человеку опосредованно, в языке; меняется язык – меняется система опосредований, меняется и представление о мире.

Получивший свое завершение в постсоветский период, процесс деконструкции тоталитарного символического универсума был “растянут” во времени, подобно тому, как столетие назад на протяжении почти полувека происходила деконструкция “классического” символического универсума императорской России и конструировалась новая модернистская парадигма, предвавшая (и во многом обусловившая) революционный взрыв 1917 года.

И в дореволюционной, и в постсоветской России деконструкция осуществлялась посредством полемики с предыдущим этапом “позитивных” (доминирующих) ценностей. Во второй половине XIX века знаковыми в этой полемике стали фигуры нигилиста и врача. Нигилист был, по точной формулировке Петра Кропоткина, олицетворением “борьбы за индивидуализм”, отрицания традиционных устоев, “лжи культурной жизни”, построенной на презрении к человеческой личности и “деспотизме отцов” и включающей “целый мир привычек, предрассудков и нравственной трусости” [7: 86-87]. За фигурой врача на рубеже XIX-XX веков стояла идея больного общества, нуждающегося в лечении, причем лечении радикальном, осуществляемом путем “хирургического” вмешательства. Аналогия с революционным проектом большевизма в данном случае очевидна.

В России 1990-х годов такими знаковыми фигурами стали, говоря условно, “киллер” и “антикиллер”, антигерой-убийца (разрушитель) и герой-убийца, убивающий других убийц. Этот период т.н. “чернухи” (своеобразный “ледниковый период” нашей культуры) строился на десакрализации всего советского. Десакрализация тоталитарных ценностей началась еще в 1970-80 гг. и выразилась во второй волне русского авангарда, в “московском концептуализме”, соц-арте, советском роке. Персонажи многих из этих текстов, как и текстов 90-х – это фигуры, репрессированные предшествующей традицией, жертвы эксклюзии (жертвы репрессий, криминальные элементы, террористы, евреи, гомосексуалисты и т.п.). Подобные тенденции обнаруживает М. Вевьерка и в европейской культуре 1970-80-х годов, относя этот феномен к культурному вызову эпохи, требующей публичного признания культурных различий [3: 15].

Безусловно, в России рост внимания к культурным различиям сопровождался резкой критикой тех сил, которые эти различия нивелировали. Тоталитаризм и его олицетворения (“персонажи власти”) представляют собой не только объект деконструкции, но и механизм политической солидарности, некое консолидирующее начало – образ врага. В условиях поиска пространства свободы, когда деструкция преобладает над созиданием, образ врага выступает в качестве угрозы, сплывающей общество. Враг здесь не только десакрализуется, но и превращается в симулякр власти: таковы “милиционер” Д. Пригова или “менты” в отечественном кинематографе 1990-х гг.

Последовательное смешение языков, стилей, жонглирование архетипами и деперсонализация авторской манеры, ироничное апеллирование к советской символической системе, совмещение нескольких, казалось бы, несовместимых контекстов, имитация и перефразирование советских мифов – это лишь немногие приемы деконструкции советского опыта тоталитаризма.

Наряду с десакрализацией прежней системы ценностей формируется и обратный процесс – актуализируются те элементы культурного космоса, которые в находились в советской культуре в “скрытом”, латентном со-

стоянии. Отсюда огромное внимание к потусторонним силам, причем представленным не только в мировых религиях, но и в языческом опыте человека: фигуры оборотней, вампиров, волкодавов – любимые персонажи отечественной беллетристики.

Как показал П. Бурдье, символические революции являются моделью социальных, протекают не менее болезненно и непредсказуемо [8: 221]. В современной науке даже существует специальный термин для обозначения особого типа человека, утрачивающего в период символических революций надежные ориентиры своего существования. Это т.н. “цвишенсы” (от нем. “между”) [9: 93], вынужденные в ситуации неопределенности принимать рискованные решения. “Человек перехода” – это человек, переживающий глубокую культурную травму [10], утрачивающий не только устойчивость своего существования, но и, подчас, саму способность активного участия в культууроформирующих процессах.

Успех деконструкции тоталитаризма – это первый шаг на пути к созидательным, культууроформирующим процессам эпохи, и чем быстрее и эффективнее этот шаг будет сделан, тем менее травматическим станет культурный опыт деконструкции для каждого из его участников.

Библиографический список

1. Смирнов, С.А. Человек перехода: сб. научных работ / С.А. Смирнов – Новосибирск: НГУЭУ, 2005. – 536 с.
2. Лехциер, В.Л. Феноменология “пере”: введение в экзистенциальную аналитику переходности / В.Л. Лехциер. – Самара: Самарский университет, 2007. – 32 с.
3. Вевьерка, М. Формирование различий / М. Вевьерка // Социс. – 2005. – №8. – С. 13-24.
4. Курицын, В. Русский литературный постмодернизм / В. Курицын. – М., ОГИ, 2000. – 288 с.
5. Берг, М.Ю. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М.Ю. Берг. – М.: Новос литературное обозрение, 2000. – 352 с.
6. Эпштейн, М.Н. Постмодерн в русской литературе / М.Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 2005. – 495 с.
7. Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. – Л.: Лениздат, 1986.
8. Бурдье, П. Начала / П. Бурдье; пер. с фр. – М.: Socio-Logos. 1994. – 288 с.
9. Баранцев, Р.В. Имманентные проблемы синергетики / Р.В. Баранцев // Вопросы философии. – 2002. – №9. – С. 91-100.
10. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. – 2002. – №1. – С. 6-16.